

Табейкина Софья Романовна

г. Зеленоградск, «МАОУ гимназия «Вектор» г. Зеленоградска»

Спектакль «Поминальная молитва», Московский театр «Ленком»

Автор пьесы: Григорий Горин

Режиссер-постановщик: Марк Захаров

Режиссер реконструкции: Александр Лазарев

Сценография: Олег Шейнцис

Композитор: Михаил Глузов

Премьера – 1989 г.

Восстановление спектакля – 2021 г.

Премьера спектакля “Поминальная молитва” состоялась в Московском театре “Ленком” в 1989 году. Известный драматург Григорий Горин специально для Марка Захарова написал пьесу по мотивам цикла рассказов Шолом-Алейхема. Эта работа стала одной из успешнейших в творчестве прославленного режиссера. Попасть на спектакль с Евгением Леоновым в главной роли было практически невозможно. За пять лет “Поминальную молитву” успели сыграть почти четыреста раз. На сцене блистал “золотой состав” театра: актеров, занятых в спектакле, знал весь Советский Союз – Евгений Леонов, Александр Абдулов, Борис Чунаев, Татьяна Пельтцер и многие другие... Пять лет Ленком собирал аншлаги. И, без сомнения, собирал бы и дальше, если бы не внезапная кончина Евгения Леонова – исполнителя главной роли. Стоит отметить, что для самого актера роль Тевье-молочника стала одной из самых значимых в его жизни и, к сожалению, последней. Очевидцы рассказывали, что не сопереживать ему было невозможно. После зачитывания Завещания Шолом-Алейхема, которое начинается спектакль, Леонов обращался к зрительному залу: “Я знаю, некоторые люди говорят: «Театр – храм». Я так не думаю вовсе, но жизнь у нас такая, что, может быть,

и надо встать на колени прямо здесь и помолиться. Господи, ты все видишь, помоги нам. Ты меня можешь не услышать, я к тебе никогда не обращался, никогда не прислушивался. Я тебя даже не знал — меня так воспитали. Но сегодня мне очень хочется, чтобы ты услышал меня и всех нас." Этих слов изначально не было в пьесе Г. Горина, но они произвели на зрителей ошеломительный эффект. Евгений Леонов будто бы сливался со своим героем воедино. Как известно, даже смерть настигла его перед выходом в театр, куда он шел, чтобы сыграть своего героя. "Вечером 29 января 1994 года Евгений Павлович Леонов, собираясь на работу в спектакле "Поминальная молитва", дома, уже одеваясь, упал и мгновенно умер". "Бог послал ему легкую смерть, а всем нам – тяжелое чувство невосполнимой утраты..." – пишет спустя годы в одном из своих очерков Марк Захаров. В тот день зрители не возвращали билеты в кассу, все они пришли со свечами к стенам Ленкома и на протяжении нескольких часов молча скорбели по гениальному человеку, замены которому не было.

Справедливости ради надо отметить, что нового исполнителя роли Тевье-Молочника пытались найти. Ее репетировал Армен Джигарханян, но что-то не сложилось. Казалось, что никакой другой актер не "приживается" к роли. Вопрос заключался не в профессионализме или гениальности, а в том, что этот образ оказался неразрывно связан с личностью исполнителя, характером человека, его индивидуальностью. Марк Захаров, когда к нему в очередной раз обращалась дирекция театра с просьбой восстановить спектакль, отвечал: «Если в труппе нет актера на роль Гамлета (Джульетты, Тевье...), не надо и браться за пьесу». И от этого убеждения он не отказывался несмотря ни на что. Но зрителям вселяли проблеск надежды другие его слова: "Я подумаю об этом в том случае, когда станет совсем тревожно и грустно. И вообще прошлое должно оставаться прошлым." Так или иначе, история жизни деревни Анатовки начала 20 века, где вместе уживались украинцы, русские и евреи, на долгие годы покинула стены театра "Ленком".

После “Поминальной молитвы” Марк Захаров поставил много легендарных спектаклей. В афише появляются такие работы как "Школа для эмигрантов". Д. Липскерова, "Женитьба Фигаро" П. О. Бомарше, "Чайка" А. Чехова и многие другие. Но, по слухам, незадолго до своей смерти Марк Анатольевич вызвал помощника режиссера с просьбой отыскать все режиссерские записи спектакля “Поминальная молитва”. Что не могло не обрадовать Марка Варшавера – директора театра “Ленком”. Он всегда считал, что “Поминальная” могла бы стать таким же долгожителем как “Юнона и Авось”. К тому времени этот мюзикл шел уже 35 лет: «Возвращение великих спектаклей, – считает Марк Борисович, – это не просто дань традиции, это та самая живая связь времен, которую мы не имеем права оборвать. «Ленком» всегда чувствовал время, и постановки, ставшие легендой, способны отразить и переосмыслить новые реалии, зазвучать свежо и современно». Но случается еще одна ничем невозполнимая утрата – умирает главный художественный руководитель театр – сам Марк Захаров. Казалось бы – всё. Теперь “Поминальная молитва” навсегда останется в прошлом.

Но история получила совсем иное развитие. Актер Александр Лазарев поддержал и воплотил в жизнь идею реконструкции легендарного спектакля. По словам многих критиков, ему удалось совершить невозможное – возобновить спектакль ушедшей эпохи, единственным отличием которого от первоисточника является смена актеров. Партитуру Марка Захарова собирали по мелким кусочкам. У Александра Лазарева было всего две телевизионные записи, сделанные прямо из зрительного зала, которые не передают мизансценические решения в полном объеме. Восстанавливать спектакль режиссеру помогали декораторы, реквизиторы, машинисты сцены – свидетели оригинальной постановки. И, конечно, актеры, участвовавшие в первой постановке спектакле. Теперь они исполняют другие роли. Так Сергей Степанченко 30 лет назад играл урядника, сегодня исполняет роль Тевье, Иван Агапов был студентом Перчиком, теперь же мы видим его в роли

Менахема-Мендла, или Александр Сирин, исполнявший прежде роль портного Мотла, сейчас играет роль мясника Лайзера-Волфа.

Сегодняшняя «Поминальная молитва» - это собранный всем театром пазл с новыми деталями. Александр Лазарев в интервью ТАСС говорит: «Мы понимаем, что в чем-то мы делаем новый спектакль... Все это мы пытаемся сохранить, но все равно артисты другие, играют иначе... Задача - не копировать актеров, которые играли 30 лет назад, принести свое. Сегодняшний ритм жизни, юмор, взгляд на жизнь».

В силу своего возраста я не могла увидеть спектакль, поставленный Марком Захаровым, в театральном зале. Однако мне довелось видеть его в телеверсии. Также мне удалось попасть на премьеру новой версии «Поминальной молитвы». Что вызывает особое удивление, так это то, что, несмотря на стереотип «реконструкция всегда хуже оригинала», получить заветные билеты оказалось не так уж просто. Спектакль вызвал интерес как у возрастных зрителей, стремящихся вновь посмотреть когда-то полюбившийся спектакль, так и увлеченной театром молодежи. И если судить по отсутствию билетов в кассах за несколько месяцев до показа, то можно заметить, что реконструкция «Поминальной молитвы» стала одним из успешнейших спектаклей в 2021 году.

Думаю, это связано, в том числе и с тем, что сам Лазарев в прежней «Поминальной молитве» танцевал в массовке, потом играл неудачливого предпринимателя, человека без определенных занятий Менахема-Мендла. Да, Лазарев выступал там как актер, но может именно это и помогло ему изнутри понять структуру столь сложного произведения.

Во время просмотра спектакля в 2021 году у меня перед глазами ясно всплыли фрагменты из старого спектакля; все они повторяются с хирургической точностью. Живая белая лошадь послушно жует сено, так же как и 30 лет назад, как будто это та самая лошадь. Кажется, заменили только актеров. Только ли? Мне показалось, что изменилось общее настроение

произведения. Я воспринимаю версию с Евгением Леоновым более меланхоличной и угрюмой. Версия же с Сергеем Степанченко в главной роли вселяет дух “ни за что не унывающей жизни”. Несмотря на трудности, Тевье Степанченко транслирует мысль зрителю: если относиться ко всем трудностям с долей иронии, они перестанут быть такими уж неподъемными. Наполненные жизнью и юношеской беззаботностью танцы – об этом же.

Согласно Орхот цадикиму, "человек должен пребывать в радости, ибо, если удрученного человека просят о помощи, у него нет сил помогать другим". Тевье в версии Леонова не соблюдает это правило: его вид печальный и задумчивый на протяжении всего спектакля. Он как бы отдает себя, уставшего и потрепанного жизнью, на жестокий суд зрителей. И действительно, жизнь Тевье далеко не проста: “Боже милосердный, всех кормящий и насыщающий! Если ты создал человека человеком, а лошадь лошастью, то разве справедливо, что человек тянет оглобли, а эта холера плетется сзади и ржет?” И своим почти хриплым голосом Леонов мастерски передает усталость персонажа от тяжелой судьбы простого молочника, живущего простыми земными желаниями. Главная цель Тевье – удачно выдать замуж своих дочерей, но его мечтам, увы, не суждено сбыться. И в таком контексте многочисленные танцы между сценами – это скорее способ предаться забвению от бытовых дел и проблем.

Говоря об актёрах, занятых в спектакле, нельзя не отметить Ивана Агапова в образе афериста Менахем-Мендла. Невообразимая жажда жизни, юмор, энергия, забавные веревочки на прищепках то с карточками, то с платками... Не влюбиться в него просто невозможно. Сам по себе персонаж очень харизматичный, но И. Агапов талантливо его воплощает. Конечно, все вспоминают в этой роли Александра Абдулова, легендарную звезду Ленкомовской сцены. Безусловно, выбор актеров в реконструкции проходил по принципу соответствия прежним актерам. Но я считаю, что Менахем-

Мендл Агапова, Гольда в исполнении О. Железняк – это самостоятельные полноценные образы.

В целом все мизансцены Марка Захарова повторены во всех нюансах. Как и почти тридцать лет назад, актеры органично существуют в заданном режиссером пространстве. Мы словно наблюдаем за подлинной жизнью маленькой еврейской семьи в типичной деревушке Украины.

Автором декораций спектакля “Поминальная молитва”, как известно, был один из самых известных художников – Олег Шейнцис. Его декорации представляют собой оркестр из небрежно выстроенных досок, но даже в этой небрежности прослеживается абсолютная гармония, которую символизируют еле заметные подсвеченные купола в глубине сцены. К сожалению, мастер не успел увидеть восстановленный спектакль, но его сценография точно восстановлена по эскизам, чертежам и паспорту старой постановки.

Меня поразило решение художника по костюмам использовать в ключевых сценах контрастные цвета, ведь в художественной палитре спектакля в основе – приглушенные краски, которые сгущаются к финалу. Например, сцена свадьбы Мотла и Цейтл. Костюмы всех героев, скатерти, посуда окрашены алым цветом, и художник по свету рисует эту сцену в красных оттенках. И сцена свадьбы приобретает неоднозначный смысл: с одной стороны, это может означать победу (одно из значений красного цвета на языке колористики) над устоями, ведь непоколебимое обещание отца, что он выдаст дочь за старого мясника, было нарушено, и молодые люди дают друг другу клятву без разрешения родителей, что противоречит всем законам. С другой, это может означать надвигающуюся катастрофу (еще одно значение красного цвета), которая произойдет буквально в этой же сцене. Речь идет о переселении евреев и изменении зоны оседлости. Деревню, в которой прожило не одно поколение этого народа, придется покинуть. Это событие становится еще одним ударом по Тевье и его семье. Хочется сказать, что данная сцена очень сильна во всех отношениях. В нее включены элементы

традиционной церемонии венчания у евреев: “Справа в сопровождении родственников выходит Мотл, он подчеркнуто торжествен, на нем свадебный сюртук, цилиндр, слева – сестры выводят Цейтл в подвенечном платье. Под пение гостей Мотл и Цейтл выходят на середину сцены, Мотл покрывает голову своей избранницы вуалью. Четверо мужчин растягивают над новобрачными балдахин. К ним приближается раввин, молится над бокалом вина, затем поочередно дает отпить от него жениху и невесте. После этого Цейтл делает круг, обходя своего жениха, Мотл надевает ей на палец кольцо.

Пустой бокал раввин ставит на землю. Пауза. Мотл оглядывает всех счастливым взглядом и решительно давит каблуком бокал... Все сидят за длинными столами, мужчины – справа, женщины – слева”. И внутри традиционного обряда революционные настроения Перчика: ”Земляки! Евреи!.. Граждане!!! (При этом обращении шум стихает, все удивленно уставились на Перчика.) Да! Я говорю вам "граждане", поскольку в России принята конституция, и мы тоже имеем гражданские права, хотя и в урезанном виде... И я предлагаю выпить за молодых, за жениха и невесту, которые впервые совершили гражданский поступок – сами избрали друг друга... И пусть они оба бедняки, но они представители одного класса – класса трудящихся! Любовь, усиленная классовой спайкой, поможет им создать крепкую семью, ячейку нового общества!!!”. То, чего точно не ожидаешь здесь увидеть – это урядника с погромщиками, который вынужден изгнать всех евреев со здешних мест: “Мы, истинные патриоты России, говорим вам, дьявольскому племени: изыдите с нашей земли!!! Чаша народного гнева переполнена! Бойтесь, если она прольется на ваши головы!!! Тебе слово, народ православный!!!” Зритель волей-неволей испытывает целый ряд эмоций: от искренней радости за молодых, до детского страха перед безысходностью. На момент просмотра я чувствовала некую причастность к происходящему на сцене, будто бы я становлюсь частью этой семьи, и заслуга тому всем, кто принял участие в создании спектакля.

Еще одной не менее сильной сценой становится уход одной из дочерей Тевье – Хавы: “Не буду я встречать ВАШУ СУББОТУ!” После этого зал окутывает мертвая тишина. Твердый и решительный голос Татьяны Збруевой заставляет каждого внутри себя задать вопрос, ранее звучащий: “Может быть, мы сами делим мир так, как нам удобно?”. Таким жестом Хава в глазах отца предает не только всю свою семью, но и целый народ. Эта сцена запомнилась, пожалуй, всем зрителям. Трагизм усиливает грамотное расставление световых акцентов на действующие лица, в чем несомненная заслуга художника по свету – Дмитрия Кудряшова.

При выходе из театра я не могла не задать себе вопрос, который задают 90 процентов всех зрителей: “Что же хотел сказать автор?” Мне кажется, Марк Захаров через историю одной семьи раскрывает глубокую мысль: в наше неоднозначное, а иногда и страшное время, где непозволительно много случается несправедливости и абсурда, где в массы транслируется все больше негативной информации, и непонятно, что будет дальше, нужно вспомнить Тевье-молочника. И не потому, что он по-своему справлялся трудностями, встречающимися у него на пути. А потому что с каждым разом он становится все мудрее. Тевье – это своего рода шекспировский Лир. И это, пожалуй, единственный герой в пьесе, стремящийся познать свою судьбу. Даже оставшись без предков, близких, дома, Тевье держит на руках новорожденную внучку – символ будущего. Он спокойно и мудро говорит ей: “Ну что, Голда, вот и потеплело! Первая весна в твоей жизни. Смотри! Запоминай!.. Там, наверху, – небо. Там Бог живет. Внизу – земля. Здесь мы живем. Вон то большое дерево называется дуб. Его мой отец посадил, когда я родился”. Тевье доказывает нам, зрителям, что после утраты прошлого и настоящего всегда будет будущее. Всегда.